

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО

УДК 008:821.111

СЮЖЕТНОЕ ОСВОЕНИЕ РЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В МИФОТВОРЧЕСТВЕ АЛАНА ГАРНЕРА

Н.А. Панина

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет,

Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств, Новосибирск, Россия

pa.nina@mail.ru

М.А. Звир

Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств, Новосибирск, Россия

zvir.rita@yandex.ru

Книги Алана Гарнера (р. в 1934 г.), одного из наиболее значимых представителей современной английской литературы, последовательно выстраивают локальный миф малой родины писателя, местности Эдж в Восточном Чeshire. Эволюция ее сюжетного освоения хорошо просматривается в трилогии, начатой в 1960 г. (переведенные на русский язык романы «Волшебный камень Брезингамена» и «Луна в канун Гомрата») и законченной в 2012 г. (непереведенный роман «Boneland»). Рассказ о приключениях брата и сестры, поселившихся на одной из ферм Олдерли Эдж, на раннем этапе строится как волшебная сказка, с противопоставлением очеловеченного пространства фермы дикому лесу и полному холму. Заимствования героев, мотивов и сюжетов эпоса и сказки приводят к дробности и наложению функций героев-хранителей отдельных мест. Главный из них, сказочный волшебник, действует в границах артуровского мифа, защищая пещеру со спящим королем; роль хранителей иных мест отведена другим героям. В дальнейшем в поисках целостности автор отказывается от использования готовых моделей. В заключительной части трилогии хранителем места становится «родовой герой», чье существование длится, пока существует род. Ведущим приемом построения сюжета становится параллелизм событий, которые происходят с персонификациями этого героя. Писатель отказывается от противопоставления мест действия (очеловеченных и диких, позитивных и негативных, и т. д.) и эпох (древности и современности, старого и нового волшебства, и т. д.), сплавливая их в единое целое и утверждая свойственный первобытному сознанию синкретизм восприятия как единственно правильное видение мира. «Родовой герой» – шаман, хранитель и творец мифа – контролирует все среды обитания, делая все жизненное пространство культивированным на уровне его мифологического освоения. Несущей конструкцией локального мифа становится непрерывность рода, охватывающего одно и то же место на протяжении сменяющихся друг друга эпох.

Ключевые слова: Алан Гарнер, локальный миф, мифотворчество, волшебная сказка, синкретизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-114-122

Творчество английского писателя и краеведа Алана Гарнера (р. 1934 г.) широко известно в России благодаря его первым произведениям: «Волшебный камень Бризингамена» (1960 г.) и «Луна в канун Гомрата» (1963 г.). Эти фантастические истории явились первым опытом исследования и литературного освоения локального мифа малой родины писателя, расположенной на северо-востоке Англии, в Восточном Чeshire. В процессе формирования образа места автор уделяет большое внимание глубоко личному и эмоциональному восприятию, для которого чрезвычайно важно отождествление вымышленных, сказочных событий и реального места. Обращение к известной легенде о короле-избавителе, спящем под горой, позволило Гарнеру последовательно выстроить локальный миф селения Олдерли и холма Эдж, на котором оно расположено, в границах реальной территории, с привлечением данных собственных археологических исследований и использованием топонимии Эджа. Об этом говорит автор единственной монографии, посвященной творчеству писателя, Нил Филип, называя Олдерли Эдж не просто местом, где происходит действие, но силой, формирующей образ истории [11, р. 13].

В основу сюжета обоих произведений были положены традиционные приемы волшебной сказки, предполагающей строго определенный ход развития действия. В частности, это противопоставление «очеловеченного» родового пространства фермы и «дикого» пространства леса, где посредниками выступают культивированные общественные пространства (парки, искусственные лесопосадки). Позже резкое противопоставление этих сред уступает место интеграции на основе созданно-

го локального мифа. Это происходит в романе «Boneland» [5]¹, задуманном как заключительная часть трилогии [4]. В ней Гарнер использует серии отсылок к событиям, описанным в «Волшебном камне Бризингамена» и «Луне в канун Гомрата», интегрирующих реальный и фантастический уровни повествования. Отказ от использования явных сюжетных моделей волшебной сказки и мифа, который произошел в творчестве Гарнера с начала 1970-х гг., обусловил и отказ от жесткого противопоставления культивированного и дикого пространств, которое выполняет важную функцию в рамках традиционной сказки.

В двух первых частях трилогии эта функция реализуется в полной мере [3]. Перед главными героями, близнецами Колином и Сьюзен, с приездом в Олдерли Эдж открывается волшебный мир. События в нем развиваются в соответствии с логикой волшебной сказки, перемещаясь из безопасной среды (фермерская усадьба) в ее опасное окружение. Дети, вовлеченные в борьбу с силами зла, открывают для себя другой Олдерли Эдж: глубокие шахты и пещеры, зачарованные леса и озера. Их описание достаточно условно, так как они являются частью сказочного сюжета, а не реального пространства. Привязка к реально-

¹ Роман не переведен на русский язык, как и все произведения Гарнера после 1967 г. Название романа, образованное английскими словами bone (кость) и land (земля), трудно адекватно перевести на русский язык. Сочетания «земля кости», «костяная земля» и тому подобные не передают авторской идеи. Гарнер неоднократно говорит о том, что в английском языке нет слова, аналогичного русскому «родина» и немецкому heimat. Можно предположить, что в этом составном слове он попытался передать именно идею «малой родины». В отсутствие профессионального художественного перевода романа и его названия мы используем оригинальное английское название.

сти, узнаваемость осуществляется в основном за счет топонимов. «Краеведческая» точность описаний в «Boneland» бросается в глаза:

«A streak of green showed under the lichen. Malachite. Hydrated copper carbonate. The Edge is full of it, in a manner of speaking» [5, p. 70].

«Под лишайником показалась зеленая полоска. Малахит. Гидрокарбонат меди. Эдж полон его, как говорится» (Здесь и далее перевод «Boneland» наш. – *Н.П., М.З.*).

Отсылки к геологии и археологии Эджа являются результатом его кропотливого всестороннего изучения автором. Классическое образование, полученное в Оксфорде, позволило Гарнеру работать на пересечении науки и искусства, превращая собственный исследовательский опыт в волшебную приключенческую историю. Автор дает сверхъестественное толкование привычным, часто весьма древним географическим объектам – названия и описания некоторых из них встречаются уже в документах XI в. Таким образом создается реальная карта волшебного мира:

«To drive or walk around the area is to be inside the books» [11, p. 13]. – «Ездить или гулять по этой территории все равно что быть внутри книг».

Соединение мира людей и мифологических существ на одной территории стало основной задачей Алана Гарнера как писателя-фантаста на раннем этапе его творчества. Убедительность этого соединения он постоянно совершенствует, добиваясь эффекта осязаемости места действия, несмотря на фантастический характер самого действия. Волшебное пространство в произведениях писателя имеет свои условные границы, но утверждение целостности мира и взаимосвязанности происходящих в

нем процессов является одним из главных постулатов творчества Алана Гарнера. На фоне краткости и емкости формулировок поздних текстов это придает его произведениям притчевый характер:

«Someone has to look after the Edge. There always is someone; always has been» [5, p. 46]. – «Кто-то должен приглядывать за Эджем. Здесь всегда кто-то есть; всегда кто-то был».

В своих выступлениях и эссе Гарнер говорит о том, что Олдерли Эдж полон символов, подобен храму как сложной, но понятной системе знаков:

«Alderley Edge is as full of significance and function as is a modern cathedral» [11, p. 26].

«Олдерли Эдж полон значения и функционирует, как современный собор».

Люди и волшебные существа в книгах Гарнера сосуществуют на одной территории, но не соприкасаются друг с другом до тех пор, пока в человеческие руки не попадает главная реликвия волшебного мира – камень Бризингамена. Реальное и магическое значение места наслаиваются одно на другое, что неизбежно осложняет восприятие, поэтому для маркировки нужного значения Гарнер использует резкую смену характера пейзажа:

«They walked among fir and pine, oak, ash, and silver birch, along tracks through bracken, and across sleek hummocks of grass. There was no end to the peace and beauty. And then, abruptly, they came upon a stretch of rock and sand from which the heat vibrated as if from an oven» [10]. – «Ребята шли между дубов, елей, сосен и серебристых березок, шагали вдоль папоротниковых зарослей по густой траве. Было тихо, как-то очень мирно и красиво. И вдруг Колин и Сьюзен вышли к совершенно голой скале, от которой

струился жар, как от раскаленной печки» [1, с. 18].

Эта смена пейзажа, усиленная сменой эмоционального состояния героев, указывает на проникновение на территорию волшебных сил. Определителем враждебной территории часто выступают заросли рододендрона, описанные с неприятной физиологичностью:

«...Tough, crooked boughs, inches across, stemming to long, pliant, wire-like shoots; skeins of dead branches which snapped at a touch, forming lancets of wood to goad and score the flesh; and everywhere the fine, black, bark dust with the bitter taste that burnt throat and nostrils and was like fine sand in the eyes» [10].

«...Крепкие корявые сучья и тонкие, гнущиеся, как проволока, ветви, и путаница омертвевших веток, ломавшихся от первого прикосновения. Острыми концами, как ланцетом, ветки царапали и резали кожу, и отовсюду сыпалась омертвевшая кора, превратившаяся в черную пыль, горькую на вкус, которая жгла горло и засыпала глаза, точно мелкий песок» [1, с. 157].

Кроме того, голые колючие ветви вызывают ассоциации с тонкими и цепкими вороньими лапками. Ворона, птица-оборотень (ведьма Селина Плейс превращается в ворону), как и образ рододендрона – один из сквозных негативных образов трилогии. В «Wopeland» автор возвращается к теме рододендронов, одной краткой фразой Колина отсылая читателя к описаниям полувековой давности, которые в свете этой фразы приобретают еще более зловещий смысл. Колин говорит о том, что около своего дома он вырубил все рододендроны:

«But I'm clearing them, bit by bit. I hate rhododendrons» [5, p. 46].

«Но я вычищаю их мало-помалу. Я ненавижу рододендронь».

Особую функцию в первой части трилогии выполняют общественные территории. Во время путешествия главных героев на холм Шаттлингслоу они пересекают редкие искусственные лесополосы, презрительно названные Гаутером «деревьями на параде», как свидетельство недружественного вмешательства человека в природный порядок – они встают препятствием на пути главных героев в момент решающих действий. Общественный выгон Линдоу, который также производит угнетающее впечатление на героев, оказывается реальной ипостасью негативного волшебного пространства – озера Лин-дху, в котором обитает злой волшебник Гримнир.

Помимо общественного пространства, выступающего своеобразным посредником между двумя мирами, Гарнер акцентирует внимание на жилищах своих героев, которые являются одновременно отражением их личности и частью локального мифа. В окружающем ландшафте всегда ощущается нуминозное, а усадьба фермера Гаутера – это культивируемое в течение веков и потому защищенное от влияния волшебных сил место. Важность фактора многовекового непрерывного существования поколений одного рода на одном месте имеет для Гарнера глубоко личное значение и неоднократно подчеркивается им в эссе, интервью и публичных выступлениях ([9, p. 4] и др.). Автобиографическое эссе «The Edge of The Ceiling» переведено на русский язык с сокращениями [2]. Автобиографический аспект творчества Гарнера также затрагивается в послесловии Н.М. Демуровой к этому изданию.

Дом является такой же органической частью Чешира, как и весь окружающий его ландшафт, но уже частью «человечной», хранящей в себе память поколений людей, живших в нем.

«It was built round a framework of black oak, with white plaster showing between the gnarled beams: there were diamond-patterned, lamp-yellow windows and a stone flagged roof: the whole building seemed to be a natural part of the hillside, as if it had grown there» [10].

«Остов дома был построен из черного дуба, а между сучковатыми древесными лучами виднелась белая штукатурка. Желтели освещенные изнутри окна, построенные в виде ромба, а крыша у дома была покрыта слюдяной черепицей. Вся эта постройка казалась частью пейзажа, точно дом здесь вырос сам по себе» [1, с. 15].

Автор подчеркивает естественное происхождение и естественность очертаний дома. В то же время горящий в окнах свет напоминает о присутствии человека. Соединение природного и личного (или, точнее, родового) начала делает это место непроницаемым для темных сил. Неспособность Морриган – самой сильной темной колдуньи из мортбродов – проникнуть в дом Гаутера и разрушить древние чары, охраняющие человеческое жилище, не только служит наглядной иллюстрацией традиционного противопоставления безопасного пространства фермы «дикому» лесу – миру волшебных существ. Непроницаемость дома играет свою роль в построении сюжета, обеспечивая необходимую передышку между динамическими эпизодами бегства от преследователей и кардинальной сменой среды от подземелий Эджа к лесу. Эта непроницаемость одновременно создает сюжетную проблему: если герои могут спрятаться в доме, оказывается под вопросом необходимость их путешествия, которое составляет важную часть романа. Поэтому Гарнер вводит ограничение: дом может быть разрушен волшебными существами определенного вида (тролли-мара).

Лес также не представляет собой единой, одинаково безопасной либо, напротив, враждебной территории. Он условно делится на участки, контролируемые темными и светлыми силами. Так, плавучий остров Ангарад Златорукой – место, где не кончается лето; он связан со старой магией, поэтому его невозможно обнаружить. Плавучий остров, который открывается для тех, кому в мире магии грозит опасность, – распространенный географический маркер, существующий в кельтском фольклоре, служащий для обозначения территории волшебства. Хозяйка острова – положительный персонаж, именно она защищает Сьюзен магическим браслетом и дает кров уставшим путникам во время подъема на Шаттлингслоу. Тем не менее она не вмешивается в ход событий.

«She realized at once where she was: she was standing on an island, thick with trees, in the middle of Redesmere, a stretch of water that lay four miles to the south of Alderley. But it was now day, and by the warmth of the air, and the glint of light on the water, the song of birds, and the green of the trees across the lake, it was summer too» [6, p. 135].

«Сьюзен мгновенно поняла, где она очутилась. Она стояла на острове, густо поросшем деревьями, и остров этот был посреди озера Радсмир, находившегося в четырех милях к югу от Олдерли. Сейчас здесь был день. И судя по теплоте воздуха, солнечным бликам на воде, пению птиц и зеленым листьям – стояло лето» [1, с. 299].

Надежному и непроницаемому для темных сил острову противопоставлено озеро Лин-дху, мрачные воды которого скрывают от человеческих глаз жилище Гримнира.

«...The black master is in his den. See, yonder is Llyn-dhu, garlanded with mosses and mean dwellings» [10].

«...Темный хозяин дома, в своем логове. Видите, вон там расположено озеро Лин-дху, окаймленное гирляндой из мхов и жалких лачужек» [1, с. 66].

Туман, нависающий над озером, скрывает его от местных жителей. Образ темной воды, как идеальное вместилище зла, используется и в романе «Луна в канун Гомрата», где появляется Хэйманский карьер – когда-то освоенное людьми, а ныне заброшенное место обитания духа из мира старой магии Броллачана. В отличие от Гримнира, принадлежащего исключительно волшебному миру и не имеющего возможности неприметно существовать среди людей, Броллачан наделен способностью проникать сквозь границы очеловеченного пространства, будь то фермерский дом или тело Сьюзен, в которое он вселяется.

Параллельное существование в двух мирах доступно только колдунам и ведьмам, предводительствуемым Морриган, в мире людей действующей под именем Селины Плейс. Люди считают ее сумасшедшей затворницей, а ее дом, в противоположность дому Гаутера Моссока, выглядит нелепо и неорганично среди прочих построек и природы Олдерли Эджа.

«A rambling barn of a place it is, stuck on the edge of a cliff» [10].

«Такой дурацкий, как сарай, домище. Торчит с другой стороны холма» [1, с. 24].

Поведение и уединенный образ жизни ведьмы позволяют сохранить дом, живущий по волшебным законам, закрытым для людей. Проникновение туда Колина и Сьюзен оборачивается для них тяжелыми испытаниями в глубоких шахтах Эджа. Соединенный с ними, дом Селины Плейс оказывается верхушкой многоуровневой системы враждебных героям пространств.

Локальный миф Эджа нуждается в носителе, потомственном жреце – в том, кем жив этот миф. Если к моменту написания «Boneland» такой герой-шаман был найден [8], то в первых книгах Гарнер еще только приступил к его поискам, распределив соответствующие функции между несколькими традиционными персонажами волшебной сказки, покровительствующими главным героям. Наравне с детьми способностью проникать магическое пространство обладает Гаутер Моссок, чьи предки веками фермерствовали в Олдерли. В то же время его жена Бесс, бывшая няня родителей Колина и Сьюзен, даже соприкоснувшись с волшебным, сохраняет полную принадлежность миру людей, играя роль его хранительницы. Таким хранителем в магическом мире выступает Каделлин Сребролобий: сознавая свою ответственность перед спящими рыцарями и всеми живущими на земле, он покидает Фундиндельв лишь в исключительных случаях. Каждый из этих героев-хранителей ассоциирован с определенным видом культивированного пространства, также типового для волшебной сказки: дома, усадьбы, пещеры волшебника в полем холме. В свою очередь антиподы – хранители мира злых сил – также ассоциированы с определенным видом дикого или заброшенного пространства: старыми шахтами, развалинами, зарослями, затопленными углублениями и т. д. Характеристика персонажа становится одной из главных функций описываемого пространства наряду с такими сюжеттообразующими функциями, как создание препятствий, требующих преодоления, или, наоборот, помощь героям в преодолении препятствий. Эта функциональная нагрузка исчезает в заключительной части трилогии, написанной зрелым автором, давно отказавшимся от готовых сюжетных моделей и типовых героев волшебной сказки.

В «Boneland» шаманом-хранителем мифа оказывается сам Колин, теперь ученый-астроном, одержимый поисками исчезнувшей сестры, страдающий от амнезии и многочисленных фобий. Собственное прошлое возвращается к нему вспышками воспоминаний, а собирательное родовое прошлое – знаками, оставленными его далеким предшественником, первобытным шаманом. Гарнер постоянно и недвусмысленно дает понять, что несущей конструкцией локального мифа является непрерывность рода, осваивающего одно и то же место на протяжении сменяющих друг друга эпох. Осознание принадлежности своей земле и корням представляется писателю большим счастьем для человека, но и большой ответственностью. В начале эссе «The Seven Firs and Golden Stone: An Account of Alderley Edge» Гарнер отмечает:

«If it is your land, where are your stories?» [7, p. 5]. – «Если это твоя земля, где твои истории?»

Главным героем его поздних произведений становится «родовой человек». Ведущим приемом построения сюжета становится параллелизм событий, которые происходят с этим героем в разные эпохи. Соответственно, писатель отказывается от противопоставления мест действия (очеловеченных и диких, позитивных и негативных) и эпох (древности и современности, старого и нового волшебства), сплавления их в единое целое и утверждая свойственный первобытному сознанию синкретизм восприятия как единственно правильное видение мира. Родовой человек – шаман, хранитель и творец мифа – контролирует все среды обитания, для него все жизненное пространство является культивированным на уровне его мифологического освоения. Заключительная часть высвечивает в каче-

стве основной сюжетной линии всей трилогии обретение Колином целостного видения мира. Всё, что его окружает, вся рукотворная и нерукотворная среда, становится рядом сигналов, которые он постепенно расшифровывает, отказываясь от всяческих противопоставлений и обретая эту целостность, осознавая свое предназначение – быть хранителем мифа.

Литература

1. Гарнер А. Волшебный камень Бризингамена: романы / пер. с англ. И. Токмаковой. – М.: Энигма, 1994. – 352 с.
2. Гарнер А. Предел потолка / пер. Т. Доброничкой // Гарнер А. Элидор: сборник / пер. с англ. – М.: Энигма, 1994. – С. 337–344.
3. Butler C. Four British fantasists: place and culture in the children's fantasies of Penelope Lively, Alan Garner, Diana Wynne Jones, and Susan Cooper. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2006. – 322 p.
4. Ewing M. Boneland by Alan Garner [Electronic resource]. – URL: <http://www.murrayewing.co.uk/mewsings/2012/09/30/boneland-by-alan-garner> (accessed: 15.02.2017).
5. Garner A. Boneland. – London: Fourth Estate, 2012. – 149 p.
6. Garner A. The Moon of Gomrath. – London: HarperCollins, 2010. – 217 p.
7. Garner A. By Seven Firs and Goldenstone: an account of the legend of Alderley. – London: Temenos Academy, 2010. – 20 p.
8. Garner A. Thursbitch. – London: Vintage Books, 2004. – 176 p.
9. Garner A. The Voice that Thunders: collection of essays and lectures. – London: Harvill Press, 1997. – 256 p.
10. Garner A. The Weirdstone of Brisingamen: a tale of Alderley. – Revised text. – URL: http://royallib.com/read/garner_alan/The_Weirdstone_of_Brisingamen.html#0 (accessed: 15.02.2017).
11. Philip N. A fine anger: a critical introduction to the work of Alan Garner. – London: Collins, 1981. – 191 p.

THE ROLE OF THE NATURAL AND CULTIVATED LANDSCAPE IN ALAN GARNER'S "MYTH-BUILDING"

N.L. Panina

National Research Novosibirsk
State University,
Novosibirsk, Russian Federation

pa.nina@mail.ru

M.A. Zvir

Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russian Federation

zvir.rita@yandex.ru

The work of Alan Garner (b. 1934), one of the most significant contemporary English writers, consistently ranks the local myth of the writer's birthplace, Alderley Edge in Cheshire East. The evolution of the plot development can be seen well in the trilogy that began in 1960 (translated into Russian novel "The Magic Stone Brezingamena" and "Moon on the eve Gomrata") and completed in 2012 (untranslated novel «Boneland»). The story follows the adventures of a brother and sister who settled on a farm Alderley Edge. At an early stage story is built like a fairy tale, with contrasting humanized space truss wild woods and the hollow hill. Borrowing characters, motifs and themes of the epic tales leads to fragmentation and imposition of functions of heroes guarding different places. Chief among them, the magician from the traditional fairy tale, Cadellin works within the boundaries of the Arthurian myth, protecting the cave with a sleeping king, the role of guardians of other places assigned to other heroes. In searching for the future integrity the author refuses to use ready-made fairy tale and epic models. In the final part of the trilogy keeper of the place becomes an "ancestral character" whose existence lasts until there is a race. The leading method of constructing the plot becomes a parallelism of events that occur with the personifications of the ancestral hero. Writer refuses to opposite locales (humanized and wild, positive and negative, and so on) and eras (ancient and modern, old and new magic, etc.), fusing them together and saying peculiar to primeval consciousness syncretism of perception, the only correct view of the world. Ancestral hero, shaman, guardian and creator of the myth controls all habitats, making all living space cultured at its mythological development. Bearing structures of the local myth becomes a kind of continuity, mastering the same place over successive eras.

Keywords: creation of myth, plot model, a fairy tale, a locus, syncretism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-114-122

References

1. Garner A. *Volshebnyi kamen' Brizingamena*. romany [The Weirstone of Brisingamen: novels. Translated from English by I. Tokmakova. Moscow, Enigma Publ., 1994. 352 p. (In Russian)
2. Garner A. The edge of the ceiling, Garner A. *Elidor*. sbornik. Translated from English. Moscow, Enigma Publ., 1994, pp. 337–344. (In Russian)
3. Butler C. *Four British fantasists: place and culture in the children's fantasies of Penelope Lively, Alan Garner, Diana Wynne Jones, and Susan Cooper*. Lanham, MD, Scarecrow Press, 2006. 322 p.
4. Ewing M. *Boneland by Alan Garner*. Available at: <http://www.murrayewing.co.uk/mews-ings/2012/09/30/boneland-by-alan-garner> (accessed 15.02.2017)
5. Garner A. *Boneland*. London, Fourth Estate, 2012. 149 p.

6. Garner A. *The Moon of Gomrath*. London, HarperCollins, 2010. 217 p.
7. Garner A. *By Seven Firs and Goldenstone: an account of the legend of Alderley*. London, Temenos Academy, 2010. 20 p.
8. Garner A. *Thursbitch*. London, Vintage books, 2004. 176 p.
9. Garner A. *The Voice that Thunders*: collection of essays and lectures. London, Harvill Press, 1997. 256 p.
10. Garner A. *The Weirdstone of Brisingamen. A Tale of Alderley* [revised text]. Available at: http://royallib.com/read/garner_alan/The_Weirdstone_of_Brisingamen.html#0 (accessed 15.02.2017).
11. Philip N. *A fine anger: a critical introduction to the work of Alan Garner*. London, Collins, 1981. 191 p.